

ЮРИДИЧЕСКИЕ ФАКТЫ-СОСТОЯНИЯ В СТРУКТУРЕ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2021-0-4-17-22>

В статье анализируются особенности законодательной регламентации юридических фактов в структуре действующего уголовного законодательства. Актуальность данного анализа обусловлена недостаточно глубокой разработкой в науке уголовного права механизма уголовно-правового регулирования в целом и одного из его элементов – юридического факта в частности. Предмет исследования составляет круг теоретико-прикладных проблем, связанных с изучением влияния юридических фактов-состояний на развитие уголовно-правовых отношений, образующих предмет уголовно-правового регулирования. Цель исследования заключается в получении нового знания, способствующего дальнейшему развитию теории уголовно-правового регулирования и его механизма. Исследование базируется на общенаучных (логический, системно-структурный) и специально-юридических методах познания. Основное содержание работы отражает результаты исследования современных проблем законодательной регламентации юридических фактов-состояний в Уголовном кодексе РФ (далее – УК РФ), рассмотренных сквозь призму теоретических постулатов учения о механизме уголовно-правового регулирования. Научная новизна исследования выражается в полученном новом знании относительно актуальности состояния учения о юридических фактах уголовного права и их значении для решения отраслевых задач. Раскрывая особенности законодательной регламентации юридических фактов-состояний в нормах Общей и Особенной частей УК РФ, автор формулирует вывод о том, что юридический факт-состояние образует с юридическим фактом-действием сложный юридический факт и в этом качестве оказывает влияние на установление основания уголовной ответственности, дифференциацию ее форм, увеличение или уменьшение ее объема. На основании анализа уголовно-правовых предписаний в статье формулируются положения, свидетельствующие о влиянии юридических фактов-состояний на изменение или прекращение охранительных и регулятивных уголовно-правовых отношений.

ЯЦЕЛЕНКО

Борис Викторович

доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
уголовного права и криминологии
Всероссийского государственного
университета юстиции
(РПА Минюста России) (г. Москва)
ya.borisvik@mail.ru

**Уголовное право;
Уголовный кодекс РФ;
уголовная ответственность;
механизм уголовно-правового
регулирования;
юридический факт**

Boris V. YATSELENKO

Doctor of Legal Sciences, Professor,
Head of the Department of Criminal
Law and Criminology, All-Russian
State University of Justice (Moscow)

LEGAL FACTS-STATES IN THE STRUCTURE OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THEIR SIGNIFICANCE

**Criminal law;
Criminal Code of the Russian
Federation;
criminal liability;
mechanism of criminal law
regulation;
legal fact**

The article analyzes the features of the legislative regulation of legal facts in the structure of the current criminal legislation. The relevance of this analysis is due to the insufficiently deep development in the science of criminal law of the mechanism of criminal law regulation in general and one of its elements – the legal fact in particular. The subject of the study is a range of theoretical and applied problems related to the study of the influence of legal facts-states on the development of criminal law relations that form the subject of criminal law regulation. The purpose of the study is to obtain new knowledge that contributes to the further development of the theory of criminal law regulation and its mechanism. The research is based on general scientific (logical, system-structural) and

special legal methods of cognition. The main content of the work reflects the results of the study of modern problems of legislative regulation of legal facts-states in the Criminal Code of the Russian Federation, considered through the prism of theoretical postulates of the doctrine of the mechanism of criminal law regulation. The scientific novelty of the research is expressed in the new knowledge obtained regarding the current state of the doctrine of the legal facts of criminal law and their significance for solving sectoral problems. Revealing the features of the legislative regulation of legal facts-states in the norms of the General and Special parts of the Criminal Code of the Russian Federation, the author formulates the conclusion that a legal fact-state forms a complex legal fact with a legal fact-action, and as such influences the establishment of the basis of criminal liability, differentiation of its forms, increase or decrease in its volume. Based on the analysis of criminal law prescriptions, the article formulates provisions indicating the influence of legal facts-states on the change or termination of protective and regulatory criminal law relations.

В уголовно-правовых исследованиях при изучении механизма правового регулирования определенное внимание уделяется юридическим фактам, которые наряду с нормами и правоотношениями образуют его элементный состав. Юридическое своеобразие каждого из элементов механизма уголовно-правового регулирования выражено в его социально-правовой природе, предметном содержании присущих ему юридически значимых черт, технико-юридических приемах законодательного оформления, выполняемых функциях в сфере упорядочения жизненных отношений. Однако юридическое своеобразие юридических фактов, норм и правоотношений заключается не только в том, что они обособлены в уголовном праве и посредством законодательных предписаний объективированы в правовой материи как относительно самостоятельные элементы механизма уголовно-правового регулирования. Это своеобразие предопределено также функциональной взаимосвязью между ними как самостоятельными частями (элементами) целого. Как известно, специфика взаимосвязи и взаимодействия частей «определяет природу целого» [1, с. 233].

Взаимодействие юридических фактов, норм и правоотношений в механизме уголовно-правового регулирования протекает в форме взаимосвязи, имеющей исключительно правовой характер. Она объединяет элементы механизма уголовно-правового регулирования в систему независимо от того, в каком состоянии – статическом, т.е. на уровне законодательной модели, или динамическом (как фактической реальности) он (механизм) себя проявляет. В процессе реального функционирования этой правовой связи целостная система динамического бытия уголовного права видится как единство взаимодействующих юридических фактов, норм и правоотношений. Другими словами, механизм уголовно-правового регулирования – это результат правового взаимодей-

ствия юридических фактов, норм и правоотношений, так как «части только потому и могут существовать, что они воспроизводят целое» [2, с. 300].

Его стержневой основой являются функциональные правовые связи между нормами права, юридическими фактами и правоотношениями. Посредством этих связей достигается конечная цель уголовно-правового регулирования – упорядочение жизненных отношений, реализация их участниками норм уголовного права путем их соблюдения, использования, исполнения или применения.

Роль юридического факта в реализации функциональных правовых связей между правовыми средствами механизма уголовно-правового регулирования (нормами и правоотношениями) нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать. Однако было бы и вовсе неоправданным игнорировать его первостепенную, детерминирующую роль в процессе возникновения и дальнейшего развития этих правовых связей и механизма уголовно-правового регулирования в целом. С возникновением юридических фактов посредством присущих уголовному праву специальных юридических инструментов оно начинает проявлять себя в сфере складывающихся жизненных отношений как реально действующий правовой ресурс их упорядочения в целях поддержания гармоничного течения социальной и правовой жизни и сохранения ее стабильного состояния. Поэтому юридические факты не могут не восприниматься иначе как обстоятельства, предопределяющие реальную, фактическую жизнь уголовного права. Это означает, что юридическими фактами уголовного права могут признаваться не все жизненные явления, но только те из них, которые актуальны и значимы для решения стоящих перед ним отраслевых задач. Такое понимание социально-правового предназначения юридических фактов уголовного права отвечает их общетеоретической и уголовно-правовой интерпретации. Общеизвестно, что на роль юри-

дических фактов могут претендовать далеко не все встречающиеся в жизни социальные явления – действия, события, состояния, а только те из них, с которыми правовые нормы связывают правовые последствия в виде различных правоотношений [3, с. 378–379].

Рассматривая социально-правовые особенности юридических фактов и их значение в уголовном праве, целесообразно учитывать характерные именно для этой отрасли права правовые режимы. В них, каждый из которых концентрирует в себе определенный набор правовых средств регулирования общественных отношений, выражается отраслевое своеобразие. В уголовном праве доминирует императивный правовой режим, предопределяющий специфическую правовую атмосферу или среду, в которой происходит взаимодействие субъектов правовой жизни. Стержнем императивного правового режима являются нормы-запреты и корреспондирующие им охранительные уголовно-правовые отношения, посредством которых государство реализует преимущественно карательно-репрессивные правовые инструменты преодоления уголовно-правовых конфликтов. В то же время нельзя игнорировать и то, что в дополнение к императивному правовому режиму уголовному праву как самостоятельной отрасли права присущ диспозитивный правовой режим. Он опирается на нормы-дозволения, реализация которых субъектами права «выражается преимущественно в субъективных правах на собственное активное поведение» [4, с. 54].

В сфере правового бытия этих режимов, порождая на основании соответствующих норм правоотношения и влияя на их дальнейшее развитие, функционируют юридические факты в виде действий, событий, состояний, индивидуальных юрисдикционных актов. В силу своеобразия предмета и метода уголовного права каждый из этих юридических фактов отличается от юридических фактов иной отраслевой принадлежности по своей социально-правовой природе и предметному составу характеризующих его признаков, а также по выполняемой роли в механизме правового регулирования. По существу эти же признаки лежат и в основе отраслевых различий между уголовно-правовыми фактами. Группа юридических фактов, предопределяющих динамичное развитие охранительных уголовно-правовых отношений, образующих правовой фундамент императивного режима регулирования, несмотря на существующие между ними различия (например, между фактом преступления и фактом деятельного раскаяния), в конечном счете подчинена решению единой задачи – реализации уголовной ответственности. Группа юридических фактов диспозитивного правового режима, как известно, предопределяет динамичное развитие правоотношений, возникающих в связи с причинением вреда при обстоятельствах, исключающих преступность

деяния. Она также не лишена внутригрупповых различий (например, между фактами причинения вреда при необходимой обороне и при крайней необходимости). Однако в отличие от юридических фактов из состава охранительного уголовно-правового отношения эта группа правомерных действий направлена на обеспечение решения прямо противоположной задачи – исключения уголовной ответственности за причиненный вред. Следовательно, функциональная специфика правовых связей, характерная для каждого из вышеназванных правовых режимов, позволяет говорить о наличии в механизме уголовно-правового регулирования двух относительно самостоятельных групп юридических фактов. Первую из них составляют юридические факты, существующие по поводу реализации уголовной ответственности, а вторую – по поводу ее исключения за причиненный вред.

В каждой из этих двух групп юридических фактов наряду с уголовно-противоправными и уголовно-правомерными деяниями, а также юридическими фактами-событиями можно выделить относительно самостоятельные юридические факты-состояния. Этот юридический факт по своей природе является длящимся во времени, о чем свидетельствует этимология термина «состояние», используемого для его обозначения. В уголовном праве юридический факт-состояние может характеризовать как лицо, совершившее общественно опасное деяние, скажем, совершение преступления виновным, находящимся в состоянии опьянения, так и потерпевшего, например беспомощное состояние последнего в момент посягательства на его жизнь. Имеются юридические факты-состояния, возникающие вне связи с какими-либо внешними для совершившего преступление лица или потерпевшего обстоятельствами. Эти юридические факты как бы вырастают «из самих себя», к примеру состояние невменяемости, в котором находилось лицо, совершившее общественно опасное деяние. Уголовному праву также известны и юридические факты-состояния, обусловленные внешними причинами, скажем, состояние уголовной наказанности или судимости как следствие вынесенного судом в отношении виновного обвинительного приговора.

В действующем уголовном законодательстве юридические факты-состояния рассредоточены в его структуре путем использования законодателем различных технико-юридических приемов. Терминология, прямо или косвенно указывающая на юридические факты-состояния, присуща нормам Общей и Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Например, состояние беспомощности потерпевшего отражено в тексте п. «з» ч. 1 ст. 63 УК РФ как совершение преступления в отношении «беспомощного лица». О беспомощном состоянии потерпевшей как самостоятельном юридическом факте и обяза-

тельном признаке изнасилования говорится в ст. 131 УК РФ. Состояние опьянения как юридический факт уголовного права, характеризующий лицо, совершившее преступление, законодательно закреплено в нормах ст. 23, 263, 264 и 264¹ УК РФ. Нормам Общей и Особенной части УК РФ известен также юридический факт, именуемый болезнью. Нахождение в этом состоянии характерно и для лица, совершившего преступление, отбывающего наказание (ст. 81 УК РФ), и для потерпевшего (ст. 121 УК РФ). Ограничиваясь далеко не полными примерами законодательной регламентации в УК РФ юридических фактов-состояний, обратим внимание на их уголовно-правовое значение. Значимость юридических фактов-состояний для реализации отраслевых уголовно-правовых задач предопределена теми функциональными ролями, которые они выполняют в рамках правоотношений, существующих по поводу реализации уголовной ответственности, с одной стороны, и по поводу ее исключения – с другой.

Юридическим фактам уголовного права в целом присущи правопорождающая, правоизменяющая и правопрекращающая функции. Этим функциям не лишены в уголовном праве и юридические факты-состояния, существующие в рамках охранительных уголовно-правовых отношений. Эти правоотношения функционируют в связи с совершением преступлений по поводу реализации уголовной ответственности. Действие юридических фактов-состояний в рамках этих правоотношений может быть сопряжено с установлением оснований уголовной ответственности, дифференциацией ее форм, увеличения или уменьшения ее объема, а также прекращения уголовно-правовых ограничений, образующих ее содержание. Однако влияние, оказываемое юридическими фактами-состояниями на решение этих задач, не стоит переоценивать. Дело в том, что возникновение и дальнейшее развитие охранительного уголовно-правового отношения сопровождаются влиянием на этот процесс не столько юридических фактов-состояний, сколько главным образом юридических фактов-действий. Именно юридический факт-действие, именуемый в уголовном праве преступлением, порождает охранительное уголовно-правовое отношение, образуя в соответствии со ст. 8 УК РФ основание реализуемой в рамках этого отношения уголовной ответственности. Этот юридический факт уголовного права опосредован в нормах Особенной части УК РФ в виде специальной конструкции «состав преступления», являющейся его (юридического факта-действия) законодательной моделью. Ознакомление с нормами-запретами Особенной части УК РФ позволяет утверждать, что в них для определения основания уголовной ответственности наряду с юридическим фактом-действием нередко используется юридический факт-состояние. В таких случаях

юридический факт-состояние не имеет самостоятельного значения, однако, будучи «привязанным» к юридическому факту-действию, образует вместе с ним сложный юридический факт, действие которого дает начало развитию охранительного уголовно-правового отношения. Примером такого сложного юридического факта, образующего основание уголовной ответственности, является, к примеру, норма ст. 125 УК РФ. В ней преступлением, влекущим уголовную ответственность в рамках охранительного уголовно-правового отношения, признается лишь такое деяние в виде оставления в опасности, которое совершено в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии. Конструкция, включающая в себя юридический факт-действие и факт-состояние, используется законодателем в нормах Особенной части УК РФ не только для установления основания уголовной ответственности, но и для ее дифференциации в сторону усиления или смягчения. В этих нормах к юридическому факту-действию обычно «привязан» юридический факт-состояние, характеризующий как субъекта преступления, так и потерпевшего. Скажем, дифференциация уголовной ответственности в сторону ее смягчения осуществлена законодателем в ст. 106 УК РФ с учетом состояния психического расстройства, не исключающего вменяемости, в котором находилась мать, совершившая убийство своего новорожденного ребенка. Напротив, совершение изнасилования потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста лицом, находящимся в состоянии судимости за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, влечет для него повышенную ответственность в рамках ст. 131 УК РФ.

Нормы Особенной части УК РФ отражают в своей материи юридические факты-состояния, которые, функционируя в рамках охранительных уголовно-правовых отношений, приобретают в отдельных случаях статус самостоятельных правоизменяющих или правопрекращающих обстоятельств, влияющих на правовое положение участников таких правоотношений. Скажем, в соответствии с ч. 1 ст. 81 УК РФ состояние психического расстройства, наступившее у лица после совершения преступления, вследствие чего оно лишается возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия), является правоизменяющим юридическим фактом, обуславливающим императивное решение об освобождении такого лица от наказания либо от его дальнейшего отбывания. Самостоятельно действующим юридическим правопрекращающим фактом-состоянием является судимость. Эта функция судимости заключается в прекращении правоохранительного уголовно-правового отношения по причине ее погашения в связи с истечением предусмотренных в ст. 86 УК РФ сроков, либо по причине ее снятия.

Группой юридических фактов-состояний, существующих по поводу реализации уголовной ответственности, не ограничивается механизм уголовно-правового регулирования. Уголовное законодательство содержит нормы, в которых зафиксированы признаки юридических фактов-состояний, действующих в сфере уголовно-правовых отношений по поводу исключения уголовной ответственности. Такие юридические факты-состояния (например, состояние необходимой обороны, крайней необходимости и др.) вместе с юридическими фактами-действиями по отражению общественно опасного посягательства, устранению грозящей опасности и т.п. образуют сложные юридические факты, закрепленные в ст. 37–42 УК РФ. Наличие таких юридических фактов в виде общественно полезных или социально оправданных актов человеческого поведения, совершенных в состояниях и при условиях, предусмотренных нормами ст. 37–42 УК РФ, исключает уголовную ответственность лица, причинившего вред.

В сфере уголовно-правовых отношений, возникающих по поводу исключения уголовной ответственности, действуют и другие юридические факты-состояния как элемент единого сложного юридического факта. Речь идет о юридических фактах в виде общественно опасных действий неделиктоспособных лиц (малолетних или невменяемых). Каждый из них представляет собой сложный юридический факт, образуемый сочетанием общественно опасного действия лица и определенного уголовным законом (ст. 20 УК РФ) его возрастного положения или состояния невменяемости (ст. 21 УК РФ). С общетеоретической точки зрения подобного рода сложные юридические факты можно рассматривать как относительные или абсолютные события, т.е. жизненные обстоятельства, формирование которых происходило при участии воли людей либо независимо от их воли. В качестве событий эти юридические факты интерпретируются и уголовно-правовыми нормами. К примеру, невменяемость прямо определяется в ч. 1 ст. 21 УК РФ как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность лица, которое совершило общественно опасное деяние, находясь в этом состоянии.

Нормам действующего уголовного законодательства известны также юридические факты, именуемые относительными событиями, структуру которых образуют общественно опасное деяние и возрастное состояние малолетнего, совершившего это деяние до наступления возраста уголовной ответственности. Уголовно-правовая природа этих юридических фактов вытекает из содержания норм ст. 19 и 20 УК РФ, определяющих возрастное состояние лиц, подлежащих уголовной ответственности за преступления. Специфика содержащиеся в этих нормах велений за-

ключается в том, что, с одной стороны, они фиксируют нижние возрастные границы состояния уголовной деликтоспособности, которое наступает с момента достижения лицом возраста уголовной ответственности. С другой стороны, эти нормативные веления очерчивают верхние возрастные границы состояния, которое в противоположность уголовной деликтоспособности можно назвать состоянием уголовной неделиктоспособности. Юридическое бытие этого состояния существует до достижения лицом возраста уголовной ответственности. Уголовная неделиктоспособность предопределяет непреступный характер общественно опасного деяния, которое может быть совершено лицом, находящемся в этом состоянии. Однако следует иметь в виду, что в нормах ст. 19–20 УК РФ законодатель не ограничивается только тем, что наряду с уголовной деликтоспособностью по сути определяет и ее противоположность – уголовную неделиктоспособность. Уяснение смысла содержащихся в нормах ст. 19, 20 УК РФ предписаний в согласованном единстве с положениями ст. 8 и 14 УК РФ убеждает в их более широком функциональном предназначении. С нашей точки зрения, посредством этих норм законодатель предназначал модельные контуры того инструментального механизма регулирования отношений, которые возникают в связи с совершением лицом общественно опасного деяния до наступления возраста уголовной ответственности. Именно на основании вышеуказанных норм государство регулирует отношения, являющиеся следствием действия юридического факта – относительного события, образованного сочетанием общественно опасного деяния и состояния уголовной неделиктоспособности лица, его совершившего. Функция упорядочения этих фактических отношений, вытекающая из смысла ст. 19, 20 УК РФ, отнюдь не случайно принадлежит нормам уголовного права. Содержащиеся в них предписания говорят о том, что отношения между лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности, и государством обусловлены только тем фактом-событием, признаки которого вытекают из уголовного закона. Квалификации этого факта в качестве преступления препятствует его составляющая – состояние неделиктоспособности лица, совершившего общественно опасное деяние. Установление и юридическая констатация этого состояния осуществляются от имени государства его компетентными представителями (должностными лицами и государственными органами) исключительно в соответствии с уголовным законом и в рамках уголовно-правовых отношений. Результатом упорядочения этих отношений является подтверждение отсутствия в совершенном общественно опасном деянии признаков преступления и официальное признание его уголовно-ненаказуемым.

Пристатейный библиографический список

1. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М. : Аванта+, 2001.
2. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988.
3. Проблемы общей теории права и государства : учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М. : НОРМА ; ИНФРА-М, 2002.
4. Алексеев С. С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989.

References

1. Kerimov D. A. Methodology of Law (Subject, Functions, Problems of Philosophy of Law). 2nd ed. Moscow: Avanta+, 2001.
2. Losev A. F. Daring of the Spirit. Moscow: Politizdat, 1988.
3. Nersesiants V. S. (ed.). Problems of the General Theory of Law and the State: Textbook for Universities. Moscow: Norma; Infra-M, 2002.
4. Alekseev S. S. General Permits and General Prohibitions in Soviet Law. Moscow: Iuridicheskaja literatura, 1989.